

Мария Штрюмбергер

ЧАСЫ

Тише! Никто не знает, что Н.М. женат на часах. Секрет. Кто выдаст — у того нос отсохнет. И в канаву укатится, где не найдешь.

Часы были единственной любовью и верной подругой Н.М. Неизменной, никогда не лгавшей. Как любил он, истомленный долгим днем, задернув окна плотными шторами, слушать мерное дыхание часов в безмолвствующей комнате. Рваная тень от абажура слегка колыхалась, скрадывая корешки книг, теснившихся на полках. И бронза на раме подмигивала тускло и успокоительно. «Может ли быть единение душ большее, чем когда удары твоего сердца сливаются с дыханием любимой?» — думалось Н.М. под извечный и неторопливый говор часов. Что шепелявый шепот прибой, что занудная трескотня сверчка, что назойливый перестук дятла в сравнение с полночной поступью часов? Кто может с ними сравниться? Кто устоит, кто выдюжит, — день за днем, год за годом, не запыхавшись, не жалуясь на усталость, не сбившись, кто иной столь упорно будет наставлять тебя на путь истинный? Пред Богом и людьми поклявшись не покинуть ни в радости, ни в горе, кто еще сможет достойно хранить верность обещанию? Кто, кроме часов?! За долгие годы совместной жизни кто другой ни разу не пустился бы ни в крик, ни в слезы? Даже когда Н.М. забывал их завести, ровный голос часов становился лишь чуть медлительнее, чуть тревожней, но и тогда они не унижались до пошлых упреков. Год за годом лишь забота о Н.М., лишь уверенность в его достоинствах перед иными, мелкими и никчемными, звучали в их говоре. Ненавязчивые, они почти беззвучно шевелили губами, когда Н.М. бывал занят, не смея отвлекать его; но вдруг требовательно возвышали голос свой, напоминая о неотложных делах: «Дон-дон! Пора пить чай! Дон-дон! Надо купить луку, пока магазин не закрылся! Дон-дон! Ты все еще не включил стиральную машину, а ведь там твоя пижама. В чем спать будешь, дружок?»

Женитесь на часах, господа, женитесь на часах!

И это притом, что Н.М. отнюдь не был безгрешен. Увы, он не мог ответить часам той же верностью, какой дарили они его самого. Взять, например, серебряную ложечку, тонкий стан которой Н.М. с тайным наслаждением обнимал двумя пальцами. Эту ложечку Н.М. увидел на Сенной, у грязной, серой от холода старухи. Ведь и не собирался идти в тот день на Сенную. Зов сердца, не иначе. Н.М. только раз поцарапал бурый, замызганный край и даже икнул от душевного трепета: серебряная. Губы у него похолодели, как бывало всегда в минуты сильнейшего волнения: с вензелем под короной... Расплатившись с хозяйкой (в таких случаях Н.М. щедро дарил спрошенной тридцаткой, не торгуясь) и спрятав драгоценность в нагрудный карман, Н.М. поспешил домой. Торопливо разувшись и даже не почистив ботинки, бросился к хозяйственному шкафчику. Где же сода? Ведь стояла здесь, в этом углу, всегда. С досадой Н.М. вспомнил, что на прошлой неделе вдруг решил перемыть все чашки, — и вот, пожалуйста, в доме нет соды. Часы, на первый взгляд равнодушно принявшие появление в доме красавицы-ложки, спокойно и с достоинством сообщили Н.М., что все магазины уже закрыты. Однако в этот раз Н.М. презрел их призыв уgomониться, вымыть руки и прочистить нос к ужину. Не в силах расстаться с ложечкой, он снова сунул ее в нагрудный карман, влез в грязные ботинки и отправился в аптеку — за нашатырным спиртом. С помощью коего и отскоблил, наконец, свою новую любовь.

Минутное увлечение, как это всегда бывает, повлекло за собой немалые перемены. Н.М. привык к слабенькому полупрозрачному чайку, насмешливо именуемому его приятелями «белые ночи». Его не смущала во второй и даже в третий раз залитая кипятком заварка, слегка отдававшая соломой (старый университетский приятель говаривал, будто от спитого чая несет мочой, — утверждение совершенно безосновательное). Кроме того, Н.М. не любил горячего, предпочитая чаек остывший, прохладной волной прокатывавшийся в нутро. Но главное, главное — Н.М. не любил чай сладкий, от которого жажда, по мнению Н.М., еще более возбуждалась. Ложечка потребовала отказаться от всех прежних привычек, от всех пристрастий. Она выставила Н.М. за дверь и не позволяла к себе прикасаться, пока он, исстрадавшись, не принес пакет сахара. Она понудила его выискивать новые, крепкие сорта чая и пить почти кипятком, обжигая язык и небо. Привыкшая к роскоши и беспрестанным дарам, она и от Н.М. ждала зримых проявлений любви. И жалобно звяка-

ла, оставляя серповидные слезинки на полированной поверхности стола, пока Н.М. не завел двух кружевных салфеток ручной работы; чайничек и сахарницу немецкого фарфора с кобальтовыми лилиями; подстаканник, хоть и не серебряный, но зато довоенный, найденный на том же Сенном; и дюжину стаканов, требовавших еще более тщательного ухода, чем чашки. Капризная особа не ужилась с чашками, и Н.М., с трудом поспевавший за новшествами, уже изнемогал. Когда вслед за салфетками ложечка потребовала круглый стол на одной ножке, желательной резной и непременно девятнадцатого века, Н.М. решительно воспротивился. Как ни была она мила и обаятельна, Н.М. согласился уделять ей не более часа своего драгоценного времени, — часа, скрупулезно отмеренного старыми верными часами. Час кружевной неги, час обжигающей сладости, — это все, что мог предложить Н.М. своей пассивности. Под звон часов, мудро мирившихся с недолгим царствованием соперницы, Н.М. безжалостно завернул ложечку в чистую салфетку и задвинул подальше, в ящик буфета. Несмотря на слезы, мерцавшие в уголках графской короны на ее изящно выгнутой рукоятке.

Расставшись с ложечкой, виноватый и гордый, Н.М. встал перед часами, наблюдая за нескончаемым движением маятника, пока не начала кружиться голова. Качается подвешенный на трех струнах круг, пронзенный стрелой. Острой, как коготь. Изящной, как женский пальчик. Непреклонной, как перст судьбы.

Содрогнувшись, Н.М. поскорей отвернулся и отправился чистить зубы. И собственное лицо в слегка запотевшем зеркале показалось ему старым циферблатом с наполовину стертymi чертами: неровная складка меж бровей, припухшие нижние веки, тени на впалых щеках и усы, как стрелки, скорбно свисающие над неожиданно яркой и мягкой нижней губой.

На следующий день Н.М. встретил на улице Анну. Он не сразу заметил ее: его встревожил пристальный взгляд и смешок шедшей навстречу женщины, и только взглянув на нее с негодованием, Н.М. понял, что перед ним Анна. Лохматая шапка сползла ей на лоб, и одну руку она прятала в кармане. Наверное, там зажата булка, крошки которой Анна торопливо обмахивала с воротника. Н.М. давно раздражала ее манера есть на ходу, прямо на улице, — вид у Анны при этом становился торопливым. Как у курицы.

— Куда ты? — спросила она. Снег припорошил ее шапку и плечи. — Давно тебя не видела.

— Домой, — пожал плечами Н.М.

И правда — давно не видел. Раньше они встречались в конторе, даже пару раз возили экскурсии в Псков на двух автобусах. Но с тех пор, как Анна ушла работать в Эрмитаж, они не встречались. Уже больше года. И когда он увидит ее опять? Не пора ли?

— Как твоя работа?

— Работа как работа, — отговорила Анна. — Ты как, все там же?

— Там же, конечно, куда я денусь. Сейчас, после новогодних праздников, туристов меньше. Приходи ко мне в гости как-нибудь, а? Поговорим.

— Как-нибудь не наступает. Скажешь когда, так и приду.

— В субботу, в эту? Потому что в воскресенье я не могу.

— В субботу так в субботу. — Анна взглянула на часы, вытащив руку из кармана. Так и есть, булочка с маком. Она их всегда любила. — Все, я побежала. Позвони мне в пятницу, адрес продиктуешь.

Все эти дни Н.М. робко пытался представить себе ее приход, но ему являлись только внешние детали, и никогда — суть встречи. Легкий запах духов, рыжеватая опушка на ее шапке, теплый свет настольной лампы, бутылка вина, блюдо с пармезаном — все это окружало его так живо, словно Анна уже бывала у него не раз. Но о чем же они будут говорить? Вот в чем вопрос. Даже звук ее голоса, даже небрежно сброшенные тапочки, когда она с ногами залезет в кресло, воображались так ясно, будто... Пойдите, а как же тапочки?!

Тапочек для Анны у Н.М. не было. Если у него и бывали гости, то лишь старые университетские приятели или вдруг двое-трое таких же, как он, болтунов явятся на ночь глядя отпраздновать конец туристского сезона. Этим тапочки были не нужны, да и особ нежного пола среди них почти никогда не случалось. Н.М. попробовал вообразить Анну, достающую из сумочки собственные, из дома принесенные, тапки. Попробовал представить себе ее, необутой ногой топчущую крошки на кухне. И решительно отправился в обувной за покупками.

— Какой размер вам нужен? — было первое, что спросила у него продавщица.

Н.М. рассердился, чувствуя, что краснеет. Откуда ему знать, какой у Анны размер?

— Мне для гостей нужно, — сварливо ответил он. — Чтобы подошло.

Продавщица задумалась и повела его куда-то в угол, где в корзине были грудой свалены разлапистые широčenные шлепки с матерчатой подошвой.

— Возьмите такие, они безразмерные, — предложила продавщица, мило улыбаясь.

Н.М. с ужасом посмотрел на разноцветные лапти и, не решаясь к ним притронуться, покачал головой:

— Ничего другого у вас, что ли, нет? — дрогнувшим голосом произнес он.

Девушка взглянула на него строго:

— У нас есть, конечно, другие тапочки, но вы же не знаете размер, — назидательно заметила она, небрежно кивнув в сторону стенда. Где были собраны тапки всех сортов и мастей. С лебяжьим пухом. Из крокодиловой кожи. С каблукочком изящества немислимого. Моющиеся и меховые. Украшенные стразами и бисером расшитые вручную.

Н.М., почитавший себя тонким ценителем прекрасного, выбрал темно-бордовые тапки с вышивкой и мягким пушком сбоку, к которому хотелось прижаться щекой.

— Есть с 36-го по 40-й, кроме 39-го, — сухо обронила продавщица, но, заметив колебания Н.М., смягчилась: — Какого роста ваши... ваша гостья?

— Н-ну, примерно вашего. Чуть повыше, — промямлил Н.М., судорожно прикидывая рост Анны.

— Возьмите тогда 38-й, — посоветовала продавщица. — Если будут немного велики, ничего страшного. Главное, чтобы пятка не висела.

Вернувшись домой, Н.М. бережно вынул из пакета бордовое чудо. Поставил в прихожей, под вешалкой. Здесь будет висеть ее пальто, здесь Анна наденет новые тапки. Войдет за ним следом, сядет в кресло, рядом с письменным столом. Н.М. отнес тапки в комнату, небрежно бросил их у кресла. Уселся за письменный стол. Надо настольную лампу сдвинуть, а то ему будет не видно Анну. И стопку книг со стола давно пора убрать, тем более, здесь какой-то детектив затесался... Лучше положить, будто забытые, старые открытки с видами Петербурга, он их покажет заодно... Анна поможет ему накрыть на стол. Н.М. отнес тапки на кухню, к плите, но на линолеуме

они смотрелись так сиротливо. Нет, пусть лучше подождет в комнате, с кухней потом успеется. Н.М., баюкая, носил тапки по комнате, не зная, куда их пристроить. Он будет за ней ухаживать, а она — она пусть посидит на диване. Н.М. аккуратно поставил изящные тапочки рядом с диваном. Вот и его обувка так же стоит утром. Для сравнения, Н.М. даже разулся и поставил собственные поношенные, но вполне еще достойные клетчатые тапки рядом с новыми, кокетливыми. Чем не пара? Вполне супружеская сцена. Так они и могли бы стоять по утрам.

— А, тапочки? Спасибо, — отозвалась Анна, когда Н.М., с корточек глядя на нее снизу вверх, подвинул ей свое приобретение.

Шлепая задниками, вошла в комнату и неловко остановилась посредине.

— Ммм, хочешь чаю? — суетился Н.М. — Садись. Давай я тебе свой дом покажу. Ты, наверное, замерзла? Давай я чаю сделаю? Это? Это я год назад у одного сумасшедшего художника купил. Шел из Публички мимо Екатерины, где ряды с картинами. Ты знаешь — вечно там толпятся ремесленники, ловят туристов. Вдруг вижу: трое сытых таких творческих бугаев окружили дедка, что примостился в сторонке, и гонят его. Напористо так теснят, и дедушка уже вещички собирает. Все сложил, остался только этот канал Грибоедова. Ну и я... А тебе, наверное, надо руки помыть?

— Нет уж, я, если можно, не буду руки мыть, — отозвалась, наконец, Анна. — А то куда ни придешь — везде руки мой. Надоело уже.

— Если надумаешь, — не унимался Н.М., — то здесь ванна, а тут все остальное. Ты садись, я сейчас чай принесу.

— Да я чай не пью.

— Как же ты? Что же ты? — поразился Н.М. И нерешительно предположил: — Тебе кофе, может быть? У меня, кажется, где-то был растворимый. Если он еще жив, конечно. И вино какое-то, кажется, тоже...

— Если найдешь, давай хоть растворимый, — согласилась Анна.

Запершись на кухне, Н.М. спешно ворошил полупустые банки с приправами и крупами, Бог весть зачем купленными, и, наконец, нашел запывлившуюся банку с кофе. Давно ссохшимся, с блестящей коричневой корочкой сверху. Н.М. поковырял его ложкой. Постучал сильнее. Отколупнул несколько сладковато пахнущих комочков.

— Тебе сколько ложек? — крикнул он из-за двери.

— Я сама положу, — судя по движению за стеной, Анна встала и пыталась открыть дверь на кухню. — Пусти.

— Подожди, — заторопился Н.М. — Ты скажи, тебе кофе сколько ложек положить?

— У тебя дверь заклинило, — Анна крутила ручку, толкая дверь плечом.

Оставалось надеяться, что щеколда выдержит.

— Подожди, — снова крикнул Н.М. — Я не могу сейчас открыть. Тебе ложек сколько положить? — Он уже наковырял достаточно обломков кофе, но они упорно не желали рассыпаться порошком так, чтобы его не стыдно было предъявить.

— У тебя все в порядке? — возвысила голос Анна. — Дверь не открывается. Ты цел?

— Все в порядке, — успокоил ее Н.М. — Извини, не могу открыть. Подожди немного.

— Ты что, не одет? — догадалась Анна. — Новый способ готовить кофе?..

— Нет, я просто... В общем, да... Что-то в обувь попало, пришлось... Я сейчас открою. — Он быстро накидал в чашку разномастных кофейных сколков и залил горячей водой. Спрятал банку с кофе обратно в шкаф и отпер дверь. — Тебе с сахаром или без?

Приветливо улыбаясь и помахивая бутылкой вина, он протянул Анне горячую чашку. Гостья опасливо заглянула внутрь. Туда, где медленно таяли темные сгустки, оседающие на дно коричневатыми хлопьями. Н.М. торопливо помешал в чашке своей драгоценной ложкой и хвастливо показал ее Анне:

— Смотри, какая у меня ложечка есть. Видишь, лигатура ГО под короной? Григорий Орлов. На Сенном купил.

Анна осторожно повертела ложечку в пальцах и, не зная, куда ее положить, снова опустила в чашку.

— А сахар у тебя есть? — поинтересовалась она.

— Теперь уже есть, — посмеялся Н.М., доставая сахарницу. — Жалко, что ты чай не пьешь. Мне из-за этой ложечки пришлось целую чайную церемонию завести. Клади ее сюда, на блюдце. Эх, жалко, что ты чай не пьешь. Я бы тебе устроил тут все красиво. А вот я тебе еще открытки покажу, старый Петербург. Начало двадцатого века. На Литейном всегда можно найти что-нибудь. Там

сейчас только два магазина старой книги осталось, но и в них, знаешь ли...

— Ты по-прежнему ценишь всякие хорошие местечки, — заметила Анна, не глядя перебирая открытки. — Накупил всего.

— Что ты, — скромно пожал плечами Н.М. Близился его коронный номер. — Так, иногда, по случаю... Единственная ценная вещь у меня — часы. Приданое моей прабабушки, Евдокии Петровны. Конец девятнадцатого века, немецкий мастер. Отец-то прабабушки был сапожником, так что особенно за ней дать было нечего, только часы и швейную машинку «Зингер». Да, собственно, он не родным отцом ей был. Ее мать, Прасковья, загадочным образом понесла, так что пришлось ее срочно выдавать замуж. Говорят, виной была кухарка, недолгое время жившая в доме, но изгнанная за неуклюжесть и подозрительную щетинистость. Как бы то ни было, Прасковья в семнадцать лет приобрела неизбывную любовь к опере, дочку и мужа на тридцать лет старше. Последнее обстоятельство не мешало им обзавестись еще четырьмя детишками. Все Герасимовичи, только старшую, Евдокию, по настоянию матери называли Германовной. Вот когда Евдокию замуж выдавали, — за купеческого сына, между прочим, — ей в приданое дали эти часы и швейную машинку. Машинка у моей сестры теперь, да уж сломалась, кажется; а часы ходят безотказно. Муж ее в двадцать первом от тифа умер, оставив Евдокию с годовалым сыном. У меня есть ее фотография, сейчас покажу, — это она на сносях, с мужем, еще не знает, что ждет впереди. Красавица, правда? Хорошо хоть домик был свой, от матери. В три окна, но все же... В Коломне, его в восьмидесятые снесли, но в детстве, я помню, мама меня водила смотреть. А часы, видишь, ходят. У них на заднике название немецкой фирмы; я смотрел по интернету, — действительно, была такая крупная мастерская, торговавшая часами, в том числе в России. Да ты подойди поближе. Постой, я стул отодвину. Видишь, у них футляр попорчен? Это мне в десятом классе подарили попугайчика; он летал по комнате, не делая ничего худого. Но иногда на него что-то находило: так он сгубил мой любимый плющ. Отщипнет листок и смотрит искоса одним глазом, как тот падает, кружась. Долетит листок до пола, попугай скок-скок — к следующему листку, снова отщипнет и смотрит с интересом. За один день от плюща остались только голые веревки. В другой раз склевал подпись художника на картине. Ну, это, может, и к лучшему, кар-

тина была так себе. Но потом ему понравилось чистить клюв о деревянные планки на дверце часов и, видишь, попортил. Все думаю отдать реставрировать, да никак не соберусь.

Выдохнувшись, Н.М. умолк. Его смущало долгое молчание Анны. Но она с интересом поглядывала то на него, то на часы и даже подобралась ближе, рассматривая циферблат.

— А кто сказал тебе, что они конца девятнадцатого века? — поинтересовалась она скучным голосом.

— Я же тебе говорю: у них на заднике выгравирован герб фирмы с подписью. А так, в детстве, мама мне рассказывала, — слегка раздраженно ответил Н.М. Не слушала она, что ли?

— Ерунда, — заявила Анна тем же скучным тоном. — Часы начала сороковых годов, в крайнем случае, конца тридцатых.

— Середины девятнадцатого века? — переспросил Н.М. — Вряд ли. В интернете...

— Двадцатого, разумеется, — перебила его Анна, не оглянувшись. — Видишь, какая у них пропорция цифр? И диск у маятника тонкий. Такие в предвоенное время делали. Наши часы, советские.

— Но на заднике имя мастера...

— Ерунда, я же говорю, — отрезала Анна. — Подделка. У настоящих должно быть клеймо на ключе. У них есть клеймо на ключе? Достань-ка, посмотрим.

— Не буду я ничего доставать, — Н.М. с досадой чувствовал, что начинает кипятииться. — Кто же будет делать клеймо на ключе? Ключи теряются, стачиваются, их меняют. Клеймо должно быть сзади, как снимешь механизм, там...

— Да что ты огорчаешься? — улыбнулась Анна. — Хорошие часы, довоенные. Младше твоей прабабушки, но явно старше дедушки или кто там у тебя. Им уже не меньше семидесяти лет, дай Бог нам столько прожить.

— Да ты посмотри на футляр-то! — воскликнул Н.М. — У них футляр с короной! Какие же это советские часы?!

— А я и не говорю, что футляр от этих часов, — уверенно парировала Анна. — Сразу видно, что футляр не родной. Вон, здесь окошечко больше, чем нужно. Обод циферблата должен быть закрыт, а здесь встык, даже чуть меньше... Если снизу смотреть. Футляр, я думаю, трофейный, того же времени примерно, но немецкий. С футляром, конечно, надо разбираться. Ты посмотри каталоги по немецким и

английским часам тридцатых-сороковых годов, может, найдешь похожие. После войны к нам много всякого понавезли.

Н.М. пыхтел и злился. Такого эффекта он никак не ожидал. Во-первых, надо же ему было познакомить Анну с хозяйкой дома? Во-вторых, часы были его излюбленной, многожды раз проверенной темой для разговора. Симпатичнее всего ему были те знакомцы, которые, выслушав семейное предание, вежливо кивали и заговаривали о другом, молча и с достоинством сознаваясь в собственном невежестве. Более утомительными были гости, без конца охавшие и восхищавшиеся реликвией и даже пытавшиеся потрогать драгоценные часы. «Эй, я же вашу жену не лапаю», — хотелось прикрикнуть на них Н.М., но он лишь молча громоздил стулья между восторженными ценителями и часами. Такие гости требовали все новых и новых подробностей о семейной драме и торговом обороте немецкой фирмы, и даже просили записать ее название. Приходилось отговариваться забывчивостью и обещанием прислать название по электронной почте. Гости записывали свои адреса на салфетках и клочках бумаги, которые Н.М. выкидывал после их ухода. Наконец, самыми занимательными были знатоки, с пеной у рта доказывавшие, что Н.М. не ценит своего счастья и не понимает, обладателем какого сокровища он является. Ведь у него в руках редчайший образец, выпущенный знаменитой мастерской в таком лохматом году, что и сказать-то, не краснея, трудно. Преодолев, наконец, все трудности, собеседник называл даты и марки, менявшиеся в зависимости от степени опьянения и начитанности говорившего. Выплеснув на Н.М. познания по истории технического прогресса и спутав Ассманна из Гласхютте с Амати из Кремоны, новоявленный знаток удалялся в некотором неудовольствии относительно беспечности Н.М., ничуть не ценившего ту жемчужину, владельцем которой он по нелепой случайности оказался. Один из этих чудаков даже уверял Н.М., что часы собраны лично Кулибиным, о чем свидетельствуют инициалы, высмотренные им через лупу на минутной стрелке: И.К.

Но такого, как Анна, никто себе не позволял. Усомниться в семейном предании! Часть души его объявить серийным механизмом, отшлепнутым на каком-то советском заводе! Глаз у нее нет, что ли? Ну и гусеница. Н.М. даже пытался усмирить Анну силой взгляда, но она лишь ласково улыбнулась ему и повторила вкрадчиво:

— Сороковые годы, ничего не поделаешь.

Остаток вечера прошел как-то вяло. Н.М. не мог отделаться от ощущения предательства. Чьего, вот вопрос? Спустить Анне ее выходку, отдав часы на посмеяние? Или хранить им верность, указав Анне, его единственной, его нужной, на непозволительность, недопустимость, невозможность такого поведения? Н.М. отвечал невпопад; бутылка вина осталась непочатой. Анна собралась уходить, и тогда Н.М. решил. Принес записную книжку и попросил ее продиктовать свой почтовый адрес. Анна изумилась. Он пробовал шутить, глупо и пошло, насчет букета роз от изнемогающего поклонника и вынудил ее, в конце концов, продиктовать адрес, даже вместе с индексом. Индекс, впрочем, она не помнила точно; но это уже не так важно — найдут.

Наутро, подложив линованную картонку, еще со студенческих времен оставшуюся, под чистый лист, Н.М. сел писать Анне письмо. Потому что, — и это было его твердое убеждение, — важные решения должны излагаться на бумаге, а не исчезать в небытии, отзвучав по телефону или затерявшись в электронной почте. Письмо, выпавшее из пачки бумаг, спустя много лет напомнит о себе. Это — вещь. Даже если оно станет лишь клочками в мусорной корзине. Пеплом, пачкающим руки. Грохочущей пеной, исчезающей в унитазе...

Н.М. потряс головой и снова уставился на чистый лист. Самое трудное — начать. Ему не нравилось ни двусмысленное «дорогая», ни сухое «здравствуй». Наконец, оставив перед именем пустое место, он застрочил:

*«Анна,
не могу передать, что для меня значила наша встреча. Не знаю, догадывалась ли ты. Впрочем, все это уже неважно. Наверное, мне не следовало заводить с тобой разговор о часах. Но часы для меня, понимаешь, — как лакмусовая бумажка. Что же ты? Никто ведь тебя не понуждал. Не тянул за язык. Тебе захотелось над ними посмеяться. И зачем было разыгрывать эксперта? Только показала свою безграмотность. Добро бы ты угадала их сущность, но так явственно, без стыда признаться в собственном невежестве, желании унижить... Зачем?»*

Эти часы были изготовлены в конце восьмидесятых, когда мне было тринадцать лет. Дядин завод закрылся, много умельцев оказалось не у дел, и чем только не подрабатывали. Один из них,

папин друг, всю жизнь починявший будильники своим соседям, выточил и собрал механизм по образцу старых немецких часов. Они долго жили у меня в комнате совсем без коробки, собирая пыль, пока отец, наконец, не нашел мастера, сумевшего сделать футляр. Так у нас в доме появились прабабушкины часы. Подлая птица обгрызла планки на дверце, но это лишь придало часам правдоподобия. Кому мой отец только не рассказывал о незаконнорожденной Александре, о старых часах и машинке Зингер. Когда он умер, мама попросила меня забрать часы себе, — не могла вспоминать, как он с серьезным лицом порол эту чушь. Теперь у меня есть фотографии всех героев этой истории. В младенчестве, на сносях и на смертном одре. И часы. Часть семейной истории. Которую ты так нелепо пыталась разрушить».

Через два дня после того, как письмо было отправлено, часы встали. Вскарабкавшись на письменный стол, коленопреклоненный, Н.М. весь вечер умолял их одуматься. Толкал маятник, и тот ходил бодро, размашисто, и колесики обнадеживающе выстукивали: «Тук-тук. Тук-тук. Тук-тук». Но не проходило и минуты, как говор их слабел, и они едва слышно шептали: «Тук. Тук. Тук», — и маятник покачивал головой грустно и с осуждением, постепенно замирая. Прижавшись щекой к прохладной стене, Н.М. заглядывал в крошечное боковое окошечко, стараясь разглядеть, как крутятся колесики. Скосив глаза, улавливал в глубине мелькание медных лопастей — будто залетный мотылек, тяжело дыша, поводил уставшими крыльями. Бесполезно. Взмах, еще — и крылья замирали.

Н.М. метался по комнате. Тишина не давала ему дышать. В отчаянии взялся он за отвертку, что не случилось с ним последние лет пятнадцать, но она оказалась слишком велика для крошечных винтиков, крепивших механизм. Схватив свой любимый, отцом из Польши привезенный, нож, Н.М. вновь полез на стол. Брови вразлет, нож занесен над жертвой, все замерло в испуге: придушенная коленкой клавиатура, в спешке опрокинутая карандашница. Дедушкина фотография прикрыла глаза. Только тапки, из последних сил державшиеся на судорожно поджатых ногах, звучно чмокнув, свалились на пол. Сняв маятник и прикусив губу, Н.М. открутил винтики. Покачал в руках массивный механизм. Заглянул в пустое нутро. Сдул пыль с колесиков. Шевельнул стрелки и посмотрел, как мед-

ленно проворачиваются валы. Что же еще? Так же осторожно Н.М. прикрутил механизм обратно. Надел маятник. Качнул. «Тук-тук. Здрав-ствуй», — сказали часы. И умолкли опять.

Растерянный, Н.М. опустился на диван. Горе смешивалось с негодованием. Дальше-то как жить? Будильника у Н.М. не было, его всегда в семь утра будил бой часов. И как он узнает, когда надо ужинать? И когда выносить мусор? Положим, у Н.М. были наручные часики, но они уважались за молчаливость и служили обязательной, хоть и ненужной деталью туалета. Вроде галстука. Но главное, главное, — что же дальше делать? Как часы-то спасти? Где-то у Н.М. был записан телефон реставратора, музейщика, чинившего старые часы по окрестным усадьбам...

В записной книжке музейщика, разумеется, не оказалось. Вывалив на пол груды папок, Н.М. перебирал старые записи, листал давно оставленные и бережно сохраняемые телефонные книжки. Дневники. Программки конференций. Конспекты экскурсий. Описания маршрутов поездок. Давние письма. Пока не нашел запись: «Конст. Витал., Hermit., часы — 321-81-40». Нацарапанную карандашом на обороте объявления о распродаже конфискованной на таможне обуви. Бережно скопировав запись в телефонную книгу и с трудом затолкав папки на место, Н.М. взглянул на наручные часы. Сердце у него екнуло. Так он и думал: половина первого! Он должен спать уже целый час! Кто, кто теперь будет говорить ему, что делать?!

Наскоро умывшись, Н.М. залез в холодную постель. Зажмурился. Только бы не проспать. Перед глазами мелькали какие-то желтые пятна, похожие на качающиеся лопасти часов. Н.М. прислушался. «Тук-тук. Тук-тук». Неужели пошли? Н.М. вскочил, включил лампочку и, козырьком прикрыв глаза от режущего света, взгляделся в маятник. Недвижим. Показалось, значит. Выключив свет, Н.М. снова улегся. Только бы не проспать. Кто же его познакомил с тем часовщиком? Анна? Да, она, еще давно, когда ему и в голову не приходило звать ее в гости. «Тук-тук». Снова тикают. Нет, тишина. Это, наверное, у него в голове. «Тук-тук». Просто кровь стучит. Повесил ли он обратно маятник? Нехорошо, если он, забытый, лежит на столе. Повесил, конечно, ведь он же смотрел на него, когда свет включал. «Тук-тук». Может, это душа умерших часов витает над ним? Хоть бы заснуть. Не проспать бы только. Если наручные часы положить под самое ухо, может, они разбудят его? Н.М. нашарил на пол-

ке часики и положил их под голову. Жесткие и немые. Бесплезная вещь. Как галстук.

Положив часики обратно на полку, Н.М. завертелся, устраиваясь поудобнее. Надо было толкать маятник не так сильно, тогда бы они пошли. Как же он раньше не догадался? Если толкать слишком рьяно, у часов не хватает мощи размахивать маятником широко. Надо потихоньку. Н.М. снова залез коленками на стол и аккуратно открыл дверцу часов. Осторожно тронул маятник. «Тук-тук. Тук-тук». А ведь все видно и без лампочки, и стрелки будто светятся изнутри. Н.М. оглянулся на окно, — огромная луна, как старинный циферблат, повисла прямо над кленом. «Тук. Тук», — опять останавливаются. Надо попробовать еще раз. Н.М. снова повернулся к часам. Где же маятник? Только что был здесь. Куда же он делся? Господи, теперь и маятник пропал. Без маятника часы точно не завести. И какие они без маятника... голые. Фу. Что-то давило Н.М. на шею, и он недоуменно почесал загривок. Обруч? Точно, обруч, даже теснит немного. И на груди, под пижамой, что-то холодное. Сквозь ткань Н.М. нащупал странный предмет, длинный, с кругом внизу, оканчивающийся тонкой спицей. Не может быть! Сунув руку под пижаму, Н.М. провел пальцами по знакомому ободу. Спрыгнул со стола, сдирая фуфайку. Так и есть: маятник. Прочно припаянный к обручу, обнимавшему его шею, с тремя стальными струнами и кругом, пронзенным стрелой. Н.М. попробовал нащупать замок, чтобы снять странную подвеску, но обруч на шее был совершенно ровный. Нагнулся за тапочками, и спица больно кольнула его в подвздошие. Босиком Н.М. побежал в ванную, к зеркалу, — голубоватый свет луны вливался и сюда через открытую дверь. Ну и видик! Хуже галстука. И не снимешь никак. Хорошо, хоть не трет шею. Хотя и оригинально вообще-то. Можно ввести в моду. «Для тех, кто ценит время», — с таким слоганом пойдут нарасхват. Для господ в теле — с гирями. Для деловых женщин — с кукушкой. Которая будет выскакивать из высокой прически.

Развеселившись, Н.М. стал придумывать, какую рубашку подобрать к такому галстуку, но пальцы его сами собой продолжали ощупывать обруч на шее. Гладкий. Шутки шутками, но снять-то его как? Н.М. попытался перевернуть маятник, закинув его за спину, но выяснилось, что это невозможно. Крепление было устроено так, что маятник лишь немного отклонялся вбок, а при попытке повернуть его через плечо обруч острым краем впивался в ключицу.

Придется утром идти в поликлинику, чтобы снимали. Хотя почему в поликлинику? Там голову снять могут, а железный обруч распилить — нет. Это слесарь нужен. В ЖЭК сходить? Там же есть слесарь. Еще, пожалуй, откажутся, они же поломки в квартире ремонтируют, а не на квартирантах. Должна быть какая-то служба спасения, которая выпиливает людей из маятников.

Н.М. вернулся в комнату и снова остановился перед оголенными часами. Какие они беспомощные. Увечные. Н.М. прижал к телу металлический обод, успевший согреться от его тепла. Может, и не снимать его пока? Теперь часы вправду стали частью его существа. Н.М. легко тронул маятник, качнув его вбок, и тот вдруг заходил, заговорил: «Тук-тук. Тук-тук. Тук-тук». С удивлением Н.М. взирал на раскачивающийся над голым брюшком предмет, чувствуя, как в такт ему бьется сердце. «Тук-тук». Кучерявые волосики на груди слегка шевелились, когда длинные струны задевали их. Немного щекотно. Но и царапает что-то. Н.М. нагнул голову, и боль стала ощутимее. Так не разглядеть, придется снова к зеркалу идти. А-а, так это тонкая спица на конце царапает кожу там, где заканчиваются ребра. Неприятно, надо сказать. Н.М. хотел остановить маятник, но острие скользнуло по пальцу, разодрав кожу над самым ногтем. Зашипев от боли, Н.М. сунул палец в рот, слизывая капельки крови. Медные на вкус. Между тем, боль от колючего наконечника становилась все сильнее, и на коже уже виднелся розоватый полукруг, натертый маятником. Присмотревшись, Н.М. заметил, что кончик спицы слегка загибается внутрь, будто коготь. Как он раньше этого не замечал? Нужно было выпрямить его плоскогубцами. Н.М. снова попытался остановить маятник; опасаясь пораниться об острый конец, он обеими руками вцепился в блестящий обод. Несмотря на все усилия, маятник продолжал раскачиваться, толкая его напряженно сжатые кулаки и все глубже впиваясь когтем в кожу. В зеркало Н.М. видел, что на груди, над треугольной впадинкой, где начинался округлый животик, уже появилась ярко краснеющая, будто фломастером нарисованная, серповидная царапина. Что-то защекотало его по животу, и с содроганием Н.М. заметил, как капелька крови, виляя и задумываясь, побежала по брюшку и растеклась пятном на резинке пижамных штанов. Коготь, указующий перст, миловидный пальчик супружницы все глубже вонзался в его плоть. Н.М. стало страшно. Казалось, он уже слышал скрежет металлического наконечника о

ребра. «Тук-тук». Как мальчишка палкой по ограде, — так маятник застучит о его ребра. И он умрет здесь, в ванной, перед зеркалом, разрезанный надвое часами. Женой своею убитый.

Из последних сил, крича и заливаясь слезами, Н.М. вцепился в маятник, отводя его от брэнной плоти, останавливая неумолимое движение. Пока хруст позвонков, ломаемых искривленным обручем на шее, не пробудил его, задыхающегося, взмокшего, с трясущимися руками. В удивлении, с колотящимся сердцем, Н.М. вглядывался в белеющие стены и потолок, чувствуя щекой промокшую подушку. Вытянув руку, ощупью нашарил часики на полке; включил лампочку над кроватью. Семь ровно. Не проспал. Конечно, привычка уже. Хотя лучше бы проснулся раньше. Давно ему кошмары не снились. С опаской Н.М. взглянул на любимые часы: стоят, и маятник на месте. И пижама тоже надета. Что только не приснится. Воспоминание о пережитой боли не давало покоя, отзываясь саднящей тяжестью над животом, и Н.М. машинально потер грудь, радуясь, что сон остался позади... пока, стянув фуфайку, не обнаружил внизу, у ребер, глубокий полукруглый порез, совсем свежий.

